

Этнографическая часть этого блока в целом по количеству статей значительно меньше археологической, но в ней отражена культура всех проживающих в Томской обл. народов: русских (автор П.Е. Бардина), селькупов (автор Н.А. Тучкова), томских татар (автор Е.Ш. Сафиуллина), хантов (автор В.М. Кулемзин), чулымцев (автор Э.Л. Львова), эвенков (автор И.Е. Максимова). Статьи построены по единому принципу, принятому при написании монографий по отдельным народам, и включают сведения о численности, расселении, языке, социальной организации, хозяйственных занятиях, средствах передвижения, поселениях и жилищах, одежде, пище и утвари, традиционном мировоззрении, народных знаниях, традиционном искусстве. Авторы статей о томских татарах и хантах сочли возможным отразить и современное отношение этих народов к их традиционной культуре и образу жизни. Представление о русских расширено за счет материалов еще одной статьи – «Календарная обрядность» (автор П.Е. Бардина).

Сборник дополнен указателем статей, списком основных сокращений, сведениями об авторах. Следует еще раз подчеркнуть, что статьи отражают современные представления о затронутых в них проблемах и включают в себя много конкретного материала. Все статьи сопровождаются списком наиболее значимых публикаций по заданной теме. Сборник представляет собой практически завершенную часть энциклопедического издания, требующую лишь некоторого дополнения в виде отдельных статей (часть из них была названа выше). Завершая обзор материалов рецензируемой книги, отметим, что она будет полезна для самого широкого круга читателей и прежде всего для специалистов – как выполненное на очень высоком научном уровне справочное издание.

Примечания

¹ Материалы по истории, археологии, этнографии коренного населения Западной Сибири вошли в такие издания, как «Уральская историческая энциклопедия» (Екатеринбург, 1998), «Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа». Т. I–III. Ханты-Мансийск, 2000.

² См.: Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к энциклопедии Томской области. Томск, 1999.

Е.Г. Федорова

© ЭО, 2003 г., № 3

Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М., 2001. 246 с.

Мысль Ф.И. Тютчева о невозможности предугадать, как сказанное слово отзовется, безусловно, приложима и к научным текстам, тем более к коллективным работам. Среднеазиатские сборники выходят у нас нечасто: за последние полстолетия это четвертый выпуск. Тем интереснее и нужнее «обратная связь», частные впечатления и размышления читателя над затронутыми в статьях проблемами, их тематикой и уровнем современных этнографических исследований.

Для читателя этот сборник неминуемо и навсегда будет связан с двумя обстоятельствами. Прежде всего, он – свидетельство нашей памяти о недавно ушедшем Владимире Николаевиче Басилове, не только ярком, нестандартном человеке, но и заметной фигуре в развитии отечественной этнографии последней трети прошедшего столетия. Все, кто общался или дружил с В.Н. Басиловым, помнят его как «человека с характером» и с истинно мужской волей, ироничного, часто даже насмешливого собеседника, обладавшего четким мышлением и смелостью в отстаивании своих позиций, касались ли они стратегических направлений развития этнографии или внутриинститутских, околонучных дел, принципов международного общения отечественных ученых или индивидуальных человеческих взаимоотношений. Это был человек поистине общественный. Но в то же время его душа чисто по-русски вмещала в себя всегда поражавшее меня не просто уважительное, но любовное, даже нежное внимание к старшим коллегам по работе – Г.П. Снесареву, О.А. Сухаревой, Б.Х. Кармышевой, Т.А. Жданко и др. Все, кто любил этнографию, по мере сил и способностей работал в ней, могли рассчитывать на его дружелюбную поддержку и содействие. И вот теперь – этот сборник, посвященный его памяти; наверное, поэтому он и удался.

Но есть и другая точка отсчета для восприятия и оценки этого сборника – дата его выхода, 2001 г., невольно ассоциирующаяся с потребностью оценить состояние среднеазиатской этнографии на грани веков. Показателен состав участников сборника: по существу, он ограничен москвичами (за одним исключением), что отнюдь не случайно. К сожалению, распад Союза и образование независимых государств в Средней Азии и Казахстане создали новую социально-политическую и этнокультурную реальность, которая фактически разрушила научное пространство, создававшееся поколениями этнографов. Отечест-

венными и среднеазиатскими учеными с конца XIX в. и на протяжении всего XX в. сделано колоссально много, а сейчас по существу даже неясно, что осталось от некогда налаженной, планомерной и систематической этнографической работы. Отрывочные известия из Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Каракалпакки горестны и неутешительны: работа во многом приостановлена, публикации редки, да и они из-за прерванных связей почти не доходят до Москвы и Санкт-Петербурга, признанных прежде центров подготовки этнографов-«среднеазиатов». Связи московских и питерских этнографов тоже заметно ослабли. Такова реальность, таков и сборник.

Он открывает раздел «Историография. Обзор источников», представленным большой статьей Т.А. Жданко, крупного исследователя и организатора «среднеазиатской» этнографии. Всем известны ее теоретические статьи по актуальным проблемам региональной этнографии, но не меньшее место в научной деятельности Т.А. Жданко занимает и «каракалпакская тематика»: несколько десятилетий назад именно она стояла у истоков научного изучения этого и поныне мало исследованного народа. В последние годы Т.А. Жданко занимается историей изучения каракалпаков российскими учеными. Две первые части этого труда уже опубликованы¹, а в рецензируемом сборнике перед нами третья часть, посвященная 1873–1874 гг., сбору этнографических данных непосредственно в момент знаменитого Хивинского похода России (1873 г.) и организованной вслед за ним Амударьинской экспедиции Туркестанского Российского Географического общества (1874 г.).

О высоком научном качестве, тщательности, скрупулезности исследования Т.А. Жданко говорить излишне. В статье поражает другое. Уже в 70-е годы XX в. в исторической науке установилось мнение о неоднозначности последствий завоевания Российской империей населения Средней Азии и Казахстана в последней трети XIX в. С одной стороны, колониальный захват и проведение соответствующей внутренней политики так же безусловны, как, с другой стороны, очевидные положительные тенденции в последовавшей затем жизни среднеазиатских народов, особенно в сфере образования, просвещения, культуры. Эти две стороны медали в сознании и русских, и местных жителей Средней Азии нередко разделялись, а статья Т.А. Жданко как раз демонстрирует непосредственное и отчасти парадоксальное слияние обоих процессов – войны и научных изысканий. Буквально с первых шагов российского завоевания Средней Азии ученые из Академии наук и Российского Географического общества подготовили инструкции по сбору этнографических данных, а Туркестанский генерал-губернатор отдал распоряжение распространить их среди офицеров, участников Хивинского похода. О тех, кто отозвался на этот призыв, и рассказано в статье.

Так был заложен фундамент обширной систематической работы российских ученых: в итоге была создана сеть первоклассных музеев и архивов, подготовлена местная интеллигенция. Позднее совместными усилиями российских и среднеазиатских исследователей уникальное и богатое культурное наследие народов региона было в значительной мере сохранено и изучено, что выгодно отличает Среднюю Азию от соседних территорий с тюркским и иранским населением (Синьцзян-Уйгурский автономный район в Китае, Северный Афганистан, Северо-Восточный Иран). Но помимо академического интереса, статья Т.А. Жданко несет в себе огромный моральный пафос восхищения русскими людьми, пришедшими сюда вслед за колонизаторами, но покоренными величием и красотой чужой культуры, посвятившими свою жизнь и творчество этой стране.

Выяснение происхождения коренных этносов региона и их дальнейшего этнокультурного развития – традиционное направление отечественной этнографии вообще и среднеазиатской в частности. Поэтому раздел «Этнические процессы в древности и в новое время» в рецензируемом сборнике закономерен.

Причастность Среднеазиатско-Казахстанской историко-культурной провинции к ареалу древнейших цивилизаций Востока уже давно предопределила огромный интерес к ней и востоковедов, знатоков письменных памятников прошлого, и особенно среднеазиатских археологов и физических антропологов. Как известно, еще в 1940-е годы С.П. Толстов провозгласил необходимость комплексного подхода и совместных междисциплинарных усилий при разработке истории культуры Средней Азии, что и воплотил сам в своих работах. Поначалу в подобных исследованиях принимали активное участие и этнографы. Именно ими в свое время были созданы схемы этногенезов разных народов, затем эти грандиозные концепции уточняли, совмещали, дорабатывали – по мере поступления все новых, главным образом археологических и антропологических материалов из разных республик. В конце концов бурный и весьма плодотворный взлет среднеазиатско-казахстанской археологии естественным и закономерным образом завершился (к концу XX в. это стало уже абсолютно очевидно) тем, что функция целостной и в то же время детально обоснованной реконструкции этнокультурных процессов почти полностью перешла к археологам (см. серию великолепных обобщающих публикаций по разным периодам древней и средневековой истории народов Хорезма, Согда, Бактрии-Тохаристана, Парфии, кочевников казахстанских степей и туркменских пустынь, гор Киргизии и Таджикистана).

Этнографы тем временем ограничили свое участие в этой общей работе преимущественно двумя проблемами. Первая – наиболее популярная в этнографических сочинениях – этнокультурная преемствен-

ность древнего и современного населения, основанная на тончайшем сравнительно-историческом анализе отдельных тем (традиционное жилище, хозяйство, костюм, обряды, семья и т.п.). Второй аспект изучения этнических процессов – фиксация и анализ живых, реальных, текущих взаимодействий разных этнических групп среднеазиатского населения. Эта проблема, к сожалению, разработана все еще недостаточно разносторонне и широко, хотя, помимо практических нужд, подобные наблюдения и описания – кладь для теоретико-этнологического осмысления. Оба названных аспекта изучения этнических процессов в Средней Азии представлены в рецензируемом сборнике, достойно демонстрируя высокий уровень научного анализа и те достижения, к которым шла среднеазиатская этнография в XX в.

Статья Т. и Г. Ходжайовых представляет изучение региональных этнических процессов с археолого-антропологической точки зрения. Авторы дают краткий очерк появления и распространения среди европеоидного (в древности) населения Средней Азии и Казахстана первых групп монголоидного (или с признаками монголоидности) типа. Собранный материал представлен чрезвычайно убедительно: не усредненно-обобщенным образом, а по основным историко-культурным областям, где этнические процессы, естественно, протекали своеобразно, и с учетом различий между оседлыми и кочевыми, сельскими и городскими группами. Выявлены также монголоидные группы разного происхождения, установлены основные этапы монголоизации местного населения по всей Средней Азии и Казахстану.

Столь внятно прописанная схема процесса, очевидно, есть очередное успешное продвижение вперед, но, по мнению самих авторов, проблема еще далека от окончательного разрешения. Причин этому много, и это не только неполнота материала. В меньшей степени решение вопроса тормозит и отсутствие методической интерпретации такого важного факта, как встречающееся противоречие, несоответствие данных антропологии и письменных источников (с. 3б). Иными словами, пришло время обсуждения насущных вопросов междисциплинарного взаимодействия, дальнейшей разработки этого традиционного метода, но этому, как кажется, должно предшествовать осознание самого факта недостаточности обычного совмещения данных антропологии, археологии и этнографии – одна из очевидных актуальных проблем среднеазиатской этнокультурной истории.

Небольшие статьи Л.Ф. Моногаровой и О.И. Брусиной посвящены уже сугубо современным этническим процессам XX в. Данные переписей населения Горно-Бадахшанской АО в XX в. и – это главное – многолетние наблюдения опытного полевика положены в основу утверждений Л.Ф. Моногаровой о двух взаимосвязанных тенденциях этнического развития памирских народностей в советское и постсоветское время: об *ассимиляции* их таджиками и о внутренней *консолидации* памирцев.

Стремление их к сближению прежде всего проявляется в актуализации в последние годы самоназвания *помири* и опирается на целый ряд объективных условий: конфессиональную специфику (особый вариант исмаилизма – *пандж-тани*), языковое родство, сходство хозяйства и уклада жизни на высокогорье, общее историческое прошлое и т. п. Но все это было и раньше, а заметной интеграции не произошло. Л.Ф. Моногарова считает тенденцию к консолидации памирцев малоперспективной, скорее временной реакцией на ассимиляторское давление республиканского центра.

Суммируя многолетние сведения о разных степенях ассимиляции таджиками язгулемцев и ванчцев, Л.Ф. Моногарова обращает внимание на еще один критерий в этом многоступенчатом процессе утраты малыми этническими группами родного языка, религии, даже самосознания и самоназвания. Этот завершающий ассимиляцию признак – признание ванчцев таджиками со стороны самих таджиков. Поскольку этого пока не случилось, даже ванчцы, более других памирцев культурно схожие с таджиками, все еще остаются, по мнению Л.Ф. Моногаровой, самостоятельным народом. Подобное утверждение вполне приемлемо с *теоретической* точки зрения, тем более что упомянутый критерий известен и вне Памира (например, в Болгарии, в Китае и др.). Что же касается *политической* практики, то, к сожалению, объективные научные сведения вряд ли будут востребованы современными лидерами республики, ибо бурные события 1990-х годов в Таджикистане без обиняков показали, что они для достижения своих целей предпочитают науке манипуляцию сознанием масс.

О.И. Брусина описывает выделенную ею модель бытового и ритуально-обрядового взаимодействия особой группы славян – русских старожил – с сельскими оседлыми узбеками. В результате подобных контактов установилось доброжелательное сосуществование двух автономных этноконфессиональных (и цивилизационных) сообществ: большого (узбеки) и малого (русские). Конкретные формы взаимодействия интересны не только сами по себе, но и подчеркнутой автором закономерностью: при двух условиях – достаточном наличии полезных местных ресурсов и отсутствии минимального политического манипулирования людьми – разноэтнические и даже разноцивилизационные группы населения явственно проявляют склонность к взаимоадаптации и симбиозу, они идут на контакты, налаживают устойчивое, хотя и четко дистанцированное общение, обеспечивающее полное сохранение своего этнокультурного облика и одновременно снимающее возможные межгрупповые напряжения (с. 57–58). Более тесное сближение осознается обеими сторонами как нежелательное и малопродуктивное. Этот аргументированный всей статьей

вывод О.И. Брусиной пока что единственный в своем роде и весьма перспективен и в теоретическом, и в практическом плане.

Одним из разработанных направлений в среднеазиатской этнографии всегда был анализ традиционной материальной культуры, методический уровень которого позволяет делать некоторые убедительные общенсторические выводы или, еще чаще, ставить новые исследовательские задачи. Представленные в разделе статьи о материальной культуре каждая по-своему и в разной мере высвечивают и наши общие достижения, и промахи, и перспективы этого направления среднеазиатской этнографии.

Статья Н.П. Лобачевой затрагивает сложную проблему современной среднеазиатско-казахстанской этнографии – разработку *регионального подхода* к изучению этнокультурных реалий. Его необходимость осознали еще полстолетия назад, тогда и была развернута кропотливая, систематическая работа по созданию серии этнографических атласов разных регионов СССР, в том числе и Средней Азии и Казахстана. В результате было опубликовано несколько сборников материалов по хозяйству, жилищу, одежде местного населения, подготовлены к печати черновые варианты первых карт, пока в 1990-е годы эту работу внезапно не приостановили. Тем не менее уже достигнутые результаты коллективной работы и, главное, заданный ею вектор размышлений проявляются и поныне. Одно из таких следствий – попытка осознания того, как при анализе местной культуры сочетаются два взаимодополняющих, но разных аспекта – общерегиональный и этнический.

Вслед за О.А. Сухаревой, Н.А. Кисляковым и другими пионерами регионального подхода в среднеазиатской этнографии в этом же ключе начала работать и Н.П. Лобачева. Ею написано несколько крупных обобщающих статей², а в рецензируемом сборнике она, по существу, предлагает модель, согласно которой в пространство Среднеазиатско-Казахстанского региона «вписаны» известные по многочисленным публикациям предшественников «этнические костюмы». Выстроена как бы «костюмная иерархия»: на высшем ее уровне указаны признаки костюмов, общие для Средней Азии, т. е. населения всего региона; на более низком уровне – по другим сходным чертам одежды, украшений, головных уборов выделены *три группы народов* – узбеки и таджики, казахи–каракалпаки–киргизы, туркмены (с. 71–74). Наконец, есть уровень «этнических костюмов», которые представлены реально бытовавшими костюмами разных этнографических групп, составляющих каждый из названных этносов.

Из материалов статьи вытекают, как минимум, два важнейших вывода, но, к сожалению, сама Н.П. Лобачева констатирует их лишь в описаниях, никак не интерпретируя. Читатель же вправе понимать их следующим образом. Во-первых, собственно «этнических» костюмов, к которым все так привыкли, судя по приведенным данным, нет. Есть сумма порой довольно значительно различающихся костюмных комплексов разных внутриаэтнических (этнографических) групп. Во-вторых, факт существования трех культурно и этнически близких народов («этнообъединяющих групп», по терминологии Н.П. Лобачевой) чрезвычайно важен и интересен, поскольку возможны разные его интерпретации³. Однако до всяких выводов читатель сталкивается, на мой взгляд, с явным промахом публикаторов: к сожалению, многосложный материал костюмов разных народов целого региона представлен лишь словесно, тогда как подобный текст без поясняющих рисунков и общетипологических таблиц фактически невозможно воспринять адекватно, и в итоге ускользают интереснейшие и важнейшие выводы.

Аналогичный упрек можно адресовать и Г.П. Васильевой, давно и плодотворно занимающейся украшениями туркмен. Ее статья тоже рассматривает ювелирные изделия одного народа в плане историко-культурного районирования и выделения этнотерриториальных комплексов. Впервые выделено семь вариантов, в которых, по справедливому замечанию автора, отражены происходившие в Туркмении *внутриэтнические* процессы (с. 97). Тезис чрезвычайно важный, но, к сожалению, и здесь очевидная содержательность материала статьи смазывается отсутствием должных изображений ювелирных деталей, без которых практически невозможно понять, о чем идет речь. Отсутствие *наглядности* таких структурно сложных, да еще и сравниваемых предметов, как ювелирные украшения, в результате мешает читателю уяснить сущность основных выводов Г.П. Васильевой.

Статья В.И. Бушкова о сельских мечетях Междуречья (точнее – «Согдийской области» и Ферганы) представляет несомненный интерес сразу с нескольких сторон. С архитектурной точки зрения среднеазиатские мечети довольно интенсивно изучали уже в 40–70-х годах XX в. (В.Л. Воронина, Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель, А.К. Писарчик, Л.Ю. Маньковская и др.). Но все же материал описывали фрагментарно и чаще с естественным для искусствоведов и архитекторов акцентом на выдающиеся, наиболее значительные образцы зодчества. В.И. Бушков дополняет эти сведения своими полевыми данными и рассматривает основные типы «рядовых», обычных сельских мечетей оседлой зоны Междуречья. Помимо этого автор уделяет внимание и культурно-социальной роли сельских мечетей, ранее фактически не освещавшейся, ибо «локальный» и «бытовой» ислам в советское время изучали мало, сосредоточившись на борьбе с ним. Наконец, в 1980–1990-е годы в связи с «возрождением ислама» в государствах Средней Азии возведено много новых сельских мечетей, которые своим общим архитектурным обликом, а также планировкой, строительными приемами, материалами и т.п. уже заметно отошли от местных традиций. Это на-

блюдение дает В.И. Бушкову основание поставить вопрос о прерывании местной строительной традиции мечетей в конце XX в. (с. 117). Окончательный ответ на него, конечно, преждевременен, традиции так быстро и легко не искореняются, но сам приведенный факт, безусловно, требует и интерпретации, и дополнительного изучения: уточнения ареала и времени появления новых типов мечетей, количественного соотношения старых и новых построек, определения возможного источника новых веяний и т.п. Несомненная заслуга автора – в фиксации этой проблемы. В целом, хотя статья и несвободна от ряда спорных утверждений, все же важнее вклад, сделанный В.И. Бушковым в изучение современного регионального ислама; предпринятые в этом направлении шаги, безусловно, требуют продолжения.

Неслучайно, что самый большой раздел сборника – «Духовная жизнь. Обряды и ритуалы». Этнографов всегда интересовали среднеазиатские быт и культура, все еще сохраняющие множество традиционных колоритных черт и реалий. Публикации раздела тематически разнообразны, представляют ранее неизвестные архивные и полевые материалы, правда, в теоретико-методическом плане не все они равноценны.

Заметка С.С. Губаевой «Путь в Зазеркалье», согласно намерениям автора, посвящена введению материалов Ф.А. Фиельструпа о похоронно-поминальных обрядах у киргизов в 20-е годы XX в. в контекст современных этнографических представлений. Поэтому *сравнение* соответствующей обрядности у народов региона и составляет содержание статьи, но выполнено оно несколько сумбурно и фактически сведено к фиксации лишь отдельных, абсолютно тождественных обрядовых элементов и мотивов у киргизов и окружающих народов, включая без особого разбора и порядка оседлых и кочевых, мусульман и шаманистов, «родственников» и «соседей» (иногда очень далеких, например, кетов).

Между тем глубокая и поистине детальная изученность погребальных ритуалов у оседлого населения Средней Азии сейчас, в конце XX – начале XXI в., уже накладывает на исследователей ряд обязательств и ограничений, например, необходимость соблюдения элементарных *принципов научного сравнения* любых обрядов. Так, уже давно принято выделять *универсалии* (т. е. набор сходных обрядовых элементов и признаков, распространенных без учета этнических, конфессиональных и культурных барьеров если не по всему миру, то по евроазиатскому арсалу). Они, естественно, отличаются от региональных или этнических обрядовых признаков, о близости которых у разных народов можно спорить. Вместе с тем очевидно, что сравнивать универсалии совершенно бессмысленно.

Другой принцип эффективного сравнения – соблюдение *системности* сопоставляемых параметров. Сами критерии сравнения должны быть оговорены, ясны и разноплановы (например, это может быть структура всего цикла, характеристика обрядовых реалий, персонажей и образов; анализ имен или обрядовых терминов, функции отдельных обрядовых эпизодов и т.д.). Только после выяснения *целой системы сходств и различий* между двумя (или более) обрядами разных культур можно пытаться определить, хотя бы отчасти аргументируя, основания обнаруженной близости (родство, территориальное соседство, стадияльное или типологическое тождество и т.п.). Без соблюдения этих принципов сравнения изложение любого материала превращается в разрозненные иллюстрации к тезису, который уже давно не требует никаких доказательств, т. е. пропадает момент *исследования*. Кроме того, роль материалов Ф.А. Фиельструпа для современных этнографических представлений о степени сходства традиционного похоронно-поминального цикла обрядов у киргизов и их соседей так и остается неустановленной.

Г.Ю. Ситнянский также посвятил свою статью киргизским похоронным обычаям, точнее, лишь одному их архаическому и реликтовому типу – воздушным погребениям. Автор сначала очертил их широкий ареал, после чего очевидным образом опять проявилось, что похоронно-поминальная обрядность (ППО) отнюдь не всегда выступает этнодифференцирующим признаком, часто наоборот, как в данном случае, ППО *одновременно* является и стадияльным реликтом, и знаком принадлежности этноса (киргизов) в прошлом к территориально широкой историко-культурной общности центральноазиатских кочевников степной и лесостепной зоны. Появление у них новой ППО и консервация пережитков старинных воздушных погребений (скорее всего, в XV–XVI вв.) – важный штрих для характеристики мусульманского протонародного мировоззрения киргизов.

Тему изучения ППО в Средней Азии продолжает статья А.А. Ярлыкапова о ногайцах в конце XIX – начале XX в. Хотя этот народ непосредственно не входит в Среднеазиатско-Казахстанский регион, но их этнокультурная близость к караалпакам и западным казахам, а также принадлежность к мусульманам-суннитам ханафитского толка делает настоящую публикацию уместной и полезной. Особенно интересен избранный автором аспект наблюдения – изменение похоронного обряда в ситуации оседания кочевников; на собственно среднеазиатском материале он изучен мало. Продуманное, последовательное сопоставление ногайцев и «среднеазиатов» в сфере похоронной обрядности позволило А.А. Ярлыкапову выявить и собственно ногайскую специфику, и общие с караалпаками и казахами черты, и общемусульманские и общедомусульманские элементы ППО. На этом фоне досадным упущением выглядит отсутствие внятной установки на различение «кочевых» и «оседлых» черт и признаков обрядности. Только после ответа на вопрос о существовании подобных отличий станет яснее – существует ли вообще разница в вос-

принятии суннизма-ислама у кочевых и оседлых мусульман региона. И если существует, то в чем конкретно и как это проявляется? А если нет, то как это объяснить? Эрудированность автора позволяет надеяться, что в конце концов ответы на эти вопросы будут им найдены.

С.Н. Абашин в статье «Миндонский циркульник» затрагивает иной круг верований, идей и обычаев – проблему «отверженных профессий». Автор легко оперирует данными предшественников, оставивших обширную литературу об этом институте, удачно дополняя их собственными полевыми (ферганскими) материалами. В этой достаточно традиционной теме С.Н. Абашин нашел нестандартный ракурс и удачный баланс между конкретикой материала и концептуальными координатами всего исследования. Два вывода автора особо привлекли мое внимание, они важны, хотя и с некоторыми поправками.

1) Автор уловил в собранном массиве данных *две традиции* исполнения мусульманского обряда обрезания, присущие «оседлым иранцам» и «тюркам-кочевникам» (с. 202). Эти две традиции действительно присутствуют в региональной культуре, и не только в обрядах. Но указанное деление автора настолько же привычно для этнографов, насколько и условно, а сейчас уже требует уточнения (вскользь об этом упоминает и сам С.Н. Абашин). Колоссальная работа по сбору и анализу материалов по традиционной культуре среднеазиатских народов, проведенная отечественными этнографами, особенно второй половины XX в., по существу сделала очевидным факт прохождения границы между этими двумя культурными, этнографическими мирами *не* по этническому или языковому признакам (иранцы–тюрки), а по целому ряду параметров, включающих, прежде всего, и «традиционный уклад жизни», и соответствующее ему «мировоззрение», а также многочисленные различия: «оседлые–кочевники», «горожане–поселяне», «жители равнин–горцы–степняки» и пр. При учете подобных подразделений оказывается, что каждый из двух упомянутых историко-культурных миров включает разнообразие ирано- и тюркоязычных группы. К тому же хочется заметить – простая констатация этих «двух традиций» уже недостаточно, требуется всесторонняя и разноплановая обобщающая характеристика каждой из них, но это, разумеется, сюжет для отдельного исследования⁴.

2) С.Н. Абашин отстаивает тезис о том, что корни института «отверженных профессий» у среднеазиатских мусульман следует искать в зороастрийском и даже дозороастрийском прошлом не только Средней Азии, но и Ирана, откуда соответствующие представления и обычаи могли быть заимствованы потомками, позднее принявшими ислам и проповедовавшими его (уже в «иранском» варианте) по всему Туркестану. Эта концепция среди историков-востоковедов хорошо известна, но для этнографов она все еще остается гипотезой, подтвержденной лишь анализом погребальных обрядов (Г.П. Снесарев и др.). Теперь С.Н. Абашин нашел новое ее подтверждение конкретными данными, что должно стимулировать анализ иных этнографических источников под тем же углом зрения.

Все интересующиеся изучением следов архаического мышления в традиционном мировоззрении оседлого населения Средней Азии обратят внимание на статью О.В. Горшуновой «Идея двух начал в культуре плодородия...», посвященную широко распространенному представлению о делении всех пищевых продуктов на две части, условно названных «горячими» («иссык», «гарм») и «холодными» («совук», «хунук»). Правда, истоки и ареал этого необычного феномена автор почему-то не рассматривает, обмолвившись лишь о его домусульманском происхождении (с. 129). Нет здесь и упоминания о средневековой мусульманской концепции четырех темпераментов людей и их связи с лечебной диетой и своеобразием продуктов. Не учтена также вся литература (например, статьи Н.Н. Ершова 1968–1970 гг. о традиционной пище и народной медицине таджиков). О.В. Горшунова сосредоточила внимание на тождественности бинарных оппозиций «горячее–холодное» и «мужское–женское», а также каждого начала с определенными цветами – черным, синим, белым и т.д. Достаточных оснований для этих утверждений, на мой взгляд, не всегда хватает. Нужен более строгий отбор аналогий, призванных стать аргументами. Автор же в пылу доказательств, манипулируя данными из разных этнических, локальных, конфессиональных традиций, иногда подставляет в ферганский контекст чужеродные (индийские) значения – аналогии (с. 222–223). Таким образом, интересная тема и оригинальный замысел автора требуют дальнейшей разработки.

Небольшая заметка нашего коллеги из Киргизии И.Д. Молдобаева посвящена киргизскому шаманству на Тяньшане в первой половине XX в. Аналогичные данные из других районов Киргизии в будущем позволят установить реальную глубину местного шаманизма и одновременно, как это ни парадоксально, степень исламизации киргизов.

Заключительный раздел сборника «Теория и методика исследований» содержит небольшое эссе С.П. Полякова, в котором изложены основные положения его концепции о надвигающемся на Среднюю Азию экологическом кризисе в связи с многовековой традиционной хозяйственно-культурной деятельностью людей. Автор полагает, что за 5 тыс. лет (со времен внедрения производящего хозяйства до наших дней) развитие так называемой цивилизации вполне закономерно привело к энергетическому кризису, глубокому и многоплановому. Из-за краткости заметки и специфики жанра система аргументов здесь отсутствует, но многие положения и затрагиваемые проблемы очевидно актуальны и не могут не вызвать

научной полемики и дискуссий при более подробном их изложении среди специалистов смежных с этнологией наук.

И в заключение – несколько пожеланий составителям сборника. В дальнейшем непременно следует сохранить и, по возможности, расширить две пока что небольшие рубрики – вступительную, «историографическую», и заключительную. В историографический отдел, например, помимо статей можно включать аналитические обзоры музейных этнографических коллекций по культуре Средней Азии и Казахстана, обзоры архивов, оставленных этнографами старшего поколения (А.Л. Троицкой, М.А. Бикжановой, О.А. Сухаревой и др.). В современных условиях желателен также перечень вышедших за время между этим и следующим выпусками сборника книг и статей по этнографии региона с краткими аннотациями, ведь ни для кого не секрет, что большая часть этнографической литературы вообще выпадает из поля зрения как наших среднеазиатских и зарубежных коллег, так и московских и петербургских исследователей.

Заключающий сборник раздел о методике и теории очевидно актуален, поскольку бурное развитие методологии и методики во второй половине XX в. в самых разных науках, особенно в гуманитарных и общественных, не миновало и этнографию/этнологию. Ныне анализ привычными, но более совершенными и тонкими методами в работах этнографов соседствует с поиском и внедрением совсем новых подходов к материалу и способами его обработки, ранее присущих преимущественно смежным наукам. В связи с этим, очевидно, настало время для выделения самостоятельной проблемы – методики сопоставления данных этнографии, археологии, антропологии, лингвистики, фольклористики, литературоведения, культурологии, востоковедческого анализа письменных памятников. Сам принцип, положенный еще С.П. Толстовым в основание комплексного подхода к изучению этнокультурной истории Среднеазиатско-Казахстанского региона, безусловно, оправдал себя, особенно на первых порах. Но сейчас он уже настоятельно требует развития и уточнения. Накопление массовых эмпирических данных каждой наукой, возрастание общего числа частных методических приемов и процедур привело к тому, что обычное итоговое суммирование результатов разных наук нередко затруднено и из-за обилия фактов, и из-за несопадений или прямых противоречий между ними. Детальное и разностороннее рассмотрение каждой подобной ситуации – и не только с общеисторической, но и с методической точек зрения – как раз может быть плодотворным именно на среднеазиатских материалах, где уровень исследований, заданный нашим старшим поколением, по-прежнему достаточно высок.

Рецензируемый выпуск Среднеазиатского этнографического сборника явно не новаторское, скорее, традиционное издание. Среди пестроты и разногласий современных этнографических публикаций этот коллективный труд демонстрирует одно важное качество – преемственность: развитие уже утвердившихся, общепринятых тем, проблем, процедур анализа в сочетании с новыми, часто еще спорными подходами, ракурсами и интерпретациями. Все это свидетельствует о жизненности среднеазиатской этнографической науки, становым хребтом которой и была всегда традиция.

Примечания

¹ Жданко Т.А. Сведения о каракалпаках в России // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской АЭЭ. М., 1998; Она же. Источники историко-этнографических сведений о каракалпаках в России первой половины XIX в. // Этнограф. обозрение. 1999. № 6.

² См.: Костюм народов Средней Азии. М., 1979; Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989 и др.

³ Ср.: Чвырь Л.А. Туркестанцы: уйгуры Синьцзяна и народы Средней Азии в этнокультурном отношении // Древние цивилизации Евразии. М., 2001; Она же. Культурные ареалы и этнонимы // Миф. № 7. София, 2001.

⁴ О возможности иного членения населения Среднеазиатско-Казахстанского региона см.: Чвырь Л.А. Туркестанцы...; Она же. Культурные ареалы...

Л.А. Чвырь